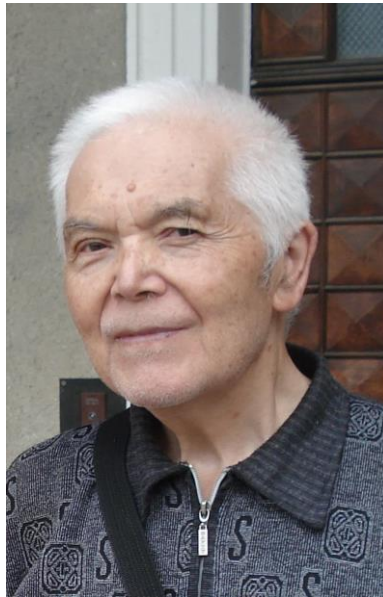

Харбинец в Харькове (памяти филолога и китаеведа В. В. Левитского)

6 апреля 2020 г. на 86-м году жизни ушел из жизни Владимир Васильевич Левитский, почти 40 лет проработавший в Харьковском университете. Университетской жизни предшествовала богатая биография уроженца китайского Харбина, волею судьбы попавшего в украинский Харьков.

Предыстория такова. Город Харбин был основан русскими в конце XIX в. как станция на строившейся тогда Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). После революции 1917 г. и гражданской войны к русским жителям города, обслуживающим КВЖД, прибавились беженцы из России – дворяне, белогвардейцы со своими семьями. Так в Харбин попал и дед Владимира Васильевича, потомственный дворянин Иван Александрович Левитский, чей старший сын Владимир, белый офицер, был расстрелян красными в Уфе, где проживала семья. С женой и младшими детьми Иван Александрович стал уходить вслед за отступающей армией Колчака, через всю Сибирь, на Дальний Восток. В Сретенске (Забайкальский край), где они временно осели, от тифа умерла жена И. А. Левитского, и в потоке беженцев его вынесло с детьми в тогдашнюю Маньчжурию (Северо-Восточный Китай), в г. Харбин.

Дети повзрослели, стали обзаводиться семьями. У дочери Валентины и японского инженера Мацунага 7 февраля 1935 г. родился сын, которого назвали Владимиром. В 1937 г. отец умер от воспаления легких, и Валентина Ивановна одна растила сына и старшую дочь Ольгу. Мальчик разговаривал на двух языках – русском и китайском – таков был круг общения.

Будучи шестилетним ребенком, Володя год провел у тетушек в Японии. Научился говорить по-японски, играя с маленькими «самурайчиками», и практически забыл русский язык. Но, по возвращении в Харбин, в японскую школу мальчика не приняли, считая русским, и мама отдала его в русскую школу.

«...В день поступления я просидел на полу, очевидно, в знак протеста. По-прежнему не понимал никого и ничего, что, должно быть, обидно, – и моя выходка и дикое возмущение были в восточном духе. Несмышлёныша резко бросало из стороны в сторону, меж разных языков и культур, склонностей и предпочтений» [5, с. 123].

Учился в 1-й, 3-й, 4-й харбинских средних школах, в лицее Св. Николая¹. Именно там, в лицее, особенно благодаря отцу Фоме, о котором впоследствии Владимир Васильевич часто вспоминал, была заложена тяга к духовным исканиям.

Получив среднее образование, юноша стал пробовать себя на разных поприщах: в 1951 г. поступил на строительный факультет Харбинского политехнического института, где проучился год. В 1952–1953 гг. работал учителем русского языка в средней школе г. Кайлу (Внутренняя Монголия, КНР). В 1953 г., вернувшись в Харбин, занимался на курсах по строительному искусству, а летом работал на строительстве Сельскохозяйственной академии. В том же году поступил учиться в Харбинский медицинский техникум на фельдшерское отделение. В 1954–1955 гг., без отрыва от учебы в

¹ Учебное заведение Русского апостолата в Харбине.

медтехникуме, преподавал русский язык в Харбинском институте иностранных языков (ныне – Хейлунцзянский университет).

В эти годы в Китае шла новая волна репатриации русских в Советский Союз – китайские власти избавлялись от европейского, в основном – русского колонизаторства. Многие харбинцы вернулись «домой», на родину своих предков. Иные – рассеялись по свету.

«Покинутая и оставленная земля, территория, граница, город, двор, улица, соседи, названия, говор, лица, запахи, краски – как всё это кровно, глубоко и прочно в тебе», – напишет позже Владимир Васильевич в одной из книг [5, с. 7].

Пепел «русского» Харбина всю жизнь будет стучать в его сердце. Исчезнувшему городу (Харбин давно уже китайский), судьбе его жителей он посвятит впоследствии пять книг, неоднократно будет возвращаться к этой теме и в своих дневниковых записях. Мечтал о создании энциклопедии харбинства, и, вероятно, сайт «Мой Харбин» (<http://myharbin.name/>), созданный зятем В. В. Левитского В. Е. Васильевым, можно считать ее виртуальным воплощением. Есть там и страничка Владимира Васильевича (<http://myharbin.name/personalii/175-levitskij-vladimir-vasilevich>).

Но вернемся в 1955 год. По призыву Н. С. Хрущева, в числе других харбинцев, Владимир Левитский поехал в Советский Союз осваивать целину. Работал в Июсском овцесовхозе в Хакасии (в ту пору – автономная область Красноярского края РСФСР).

В том же году переехал в Харьков – вслед за родственниками. В 1955–1956 гг. учился в Первом медицинском училище, в 1956–1957 гг. работал наркогизатором во 2-й и 17-й больницах города.

Мечтал углубить свои знания восточных языков. Но в Харькове института, где изучали бы восточные языки, не было, а уезжать не мог – уже обзавелся семьей.

Потребность в изучении языков привела его на филологический факультет Харьковского университета, где он и обучался с 1957 по 1962 гг.

Чтобы прокормить семью, без отрыва от учебы, в 1958–1960 гг. работал медбратом в службе скорой помощи, фельдшером городского психоневрологического диспансера. Лечил больных гипнозом, и довольно удачно: «индуса» (как его называли) предпочитали больные. В 1960 г. заведовал фельдшерским медпунктом в с. Тимофеевка Золочевского района Харьковской области.

Несмотря на необходимость зарабатывать, был лидером в студенческой среде. Его сокурсник, преподаватель университета, журналист и краевед В. Г. Мелихов вспоминал, как Володя Левитский организовал факультетский литературно-художественный журнал «Энтузиаст»²: выступал на собраниях, призывал писать в журнал: кто может – прозу, кто может – стихи, кто не может художественную прозу и стихи – публицистику, критику. «Филологи должны уметь писать», – говорил он. Сам же и печатал первые номера «Энтузиаста» на машинке. В журнале впервые появились рассказы его однокурсника, будущего писателя Григора Тютюнника. Там начинала с критических статей Нонна Сукаленко, в будущем – профессор Харьковского университета.

Владимир Левитский инициировал создание на филфаке дискуссионного литературного клуба (вел его доцент филфака, поэт М. В. Черняков). И по его же инициативе летом 1961 г. весь курс совершил путешествие по стране, посещая музеи великих писателей. В. Г. Мелихов писал в статье «Тишину музеев нарушая...»: «Помню пламенные речи Володи Левитского, горячо доказывавшего, что невозможно стать квалифицированным филологом, а тем более учителем, не повидав места, где жили классики и рождались бессмертные строки» [8, с. 186].

В 1961 г. студентом-пятикурсником в числе четверых избранных (В. Левитский, В. Мелихов, В. Стороженко, В. Шевелев) был приглашен преподавать русский язык на подготовительном факультете для иностранных граждан, организованном при Харьковском университете.

Работая на подфаке, молодой преподаватель пришел к выводу, что, помимо общеупотребительной лексики, иностранцев надо обучать языку будущей специальности. В своих статьях заложил научные основы такого обучения и применил эту идею на практике: используя свой опыт медработника, составил «Частотный словарь языка учебных пособий медицинского института» (1966), который был издан в Москве и стал первым словарем такого типа в Советском Союзе [1, с. 23].

Еще одним начинанием, внедренным Владимиром Васильевичем на подготовительном факультете, стал конкурс «Я читаю стихи по-русски», который в дальнейшем проводился ежегодно. [1, с. 23–24.]

В 1968 г. В. В. Левитский получил приглашение работать на кафедре русского языка филологического факультета университета. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию «Лингвостатистическое описание лексики научной речи (на материале учебников мединститута)». В 1976 г. получил звание доцента.

На филологическом факультете читал разные разделы курса современного русского языка, курс русской диалектологии, спецкурс «Речевая практика и среда в лингвистическом освещении и в аспекте социологизации личности», вел спецсеминары «Стилистические аспекты лексической сочетаемости», «Лексический аспект русского языка как иностранного», «Харьковское городское просторечие». Много

---

² Позже «Энтузиаст» стал стенгазетой русского отделения филфака, впоследствии – печатным ежегодником выпускников 1962 г.

лет руководил диалектологической практикой. Организовал и вел лингвистический кружок, проводил круглые столы по разным темам. Был постоянным лектором общества «Знание».

Публиковал научные статьи по вопросам семантики, стилистики, акцентологии, диалектологии русского языка.

Писал книги о Харбине и первым ввел в обиход термин «харбинистика». В 1998 г. издал две книги, посвященные родному городу, под общим названием «Пристань на Сунгари».

В 2000 г. вышел на пенсию. В 2001–2002 гг. преподавал русский язык иностранным студентам в Краматорском гуманитарно-экономическом институте; в 2002–2003 гг. – в Харьковском фармацевтическом университете в должности доцента языковых кафедр.

Будучи пенсионером, ученый продолжал заниматься социолингвистическими исследованиями русского языка, писал труды по вопросам харбинистики, синологии, религиоведения (православие в Китае), разрабатывал теорию дневниковедения. Его творческое наследие насчитывает свыше 80 печатных работ [7].

Результатом лингвистических наработок и размышлений о связях слов и действительности, о внутренних связях слов стали фундаментальные труды: «Контекстология слова: Мистический дух Logos» (2012) [3], «Филология «жизни» (2017) [6]; словарь сочетаемости русского языка под образным названием «Иероглифы» (в 2-х частях; 2019, 2020) [2].

Приведем цитату из «Контекстологии слова»: «С помощью названия и мысли происходит раздвоение вселенной и усложнение вещественности. Образы, представления и чувства – некие отражения, отзвуки и отголоски действительности. Следом за ними и в них свой словарь, постепенно впитывающий новые смыслы, оригинальная сигнальная система, своего рода зеркало и губка. Слово осознаёт себя, осмысливается и находится в состоянии процесса насыщения новыми видениями. Оно наполнено первоначальным содержанием и еще продолжает наполняться представлениями и значимостями. Тем самым, слова постоянно делятся, похожие на живой и растущий организм. Слово может находиться на высшей и на низшей стадии существенности, в разной фазе развития и расцвета словесности» [3, с. 4].

Получила развитие в ряде работ и харбинская тема. В 2002 г. В. В. Левитский издал книгу о репрессированных репатриантах из Харбина и других городов Китая, – «Воскресение имени». Ее продолжением стала хрестоматия «Опричинна, царевы слуги и холопы: (Бесчинства бесов: самодержавие нечисти и злодейств)» (2014), где собраны записи и дневники бывших политических заключенных, вернувшихся в СССР из Китая, приведены списки репрессированных с краткими биографиями.

В 2003 г. ученый опубликовал труд, приуроченный к 100-летию Китайско-Восточной железной дороги, – «История в мифах и воспоминаниях: Вокруг КВЖД» (2003, переизд. в 2019). Причины и история создания КВЖД, история советско-китайских отношений, история Китая, японо-китайская война, русский город Харбин, политические организации эмигрантов, средняя и высшая школа в Харбине – эти и другие вопросы подняты и проанализированы в этом исследовании.

К харбинской теме относятся и приложения к книге-дневнику В. В. Левитского «Восемьдесят плюс: дневник с приложениями» (2016), посвященные известным и неизвестным жителям Харбина.

Вкладом ученого в Китаеведение стала также книга «Триптих: искусы орды» (2015), состоящая из трех разделов (скрижалей): «А. С. Пушкин: несудьба», где раскрыта неисследованная тема в изучении биографии поэта – его несостоявшееся намерение посетить Китай; «Отец Иакинф (Бичурин Н. Я.)» (архимандрит, посланный с православной миссией в Китай, один из основоположников российской синологии, знаток китайского языка); «Православная миссия в Пекине» (история всех пекинских духовных миссий).

В. В. Левитский уделил немало времени исследованию вопросов дневниковедения. Сам писал дневники (издано 11), а также создал хрестоматию «Дневники духовоборов» (2019), где собраны фрагменты дневников любимых мыслителей (Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. Д. Шмемана) и других авторов, статьи по вопросам дневниковедения; сделаны и свои выводы об этой мало исследованной области письменности.

Как видим, необычность судьбы ученого отразилась и на его творческой многонаправленности. Русский харбинец стремился сохранить свою родину в книгах; человек Востока проявлялся в характере и устоявшейся с возрастом мудрости; христианин по крещению и вере был предан отцу Фоме и Христу, (но и восточная философия была ему интересна и было понимание, что нельзя навязывать народам не близкую им религию); ученый-филолог искал, как вернуть науке истинность (ненавидел плагиат) и как внести живую струю и дух науки в учебный процесс в университете; философ и писатель записывал роящиеся в пространстве мысли (не знал: его ли они?); медик и психолог наблюдал за своим организмом и умственными способностями – в процессе болезней и умирания. Он был настоящим ученым даже в этом.

В. В. Левитский. Мысли

«У нас наукой и научной деятельностью считается и называется самая разная процедура и навыки: и действительно научные, и околонучные, и псевдонаучные, и условно научные, и вовсе не научные, никак не научные. Зависит от того, сколько в них своеобразия и творческого начала, должен быть какой-то уровень и критерий научности. «И днём, и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом». Вот даже кот – и тот тоже учёный» [4, с. 36].

«Творческий подход – есть напряжение духовных сил, отнюдь не всем одинаково доступное. Творчество – горение (и сгорание), интенсивная работа на износ, поддерживается собственным интересом, путь, полёт и незаурядность. Это богом данный огонёк в душе, искорка, из которой может разгореться пламя и пожар. Творчество – это очень космическая, и очень человеческая проблема, вечная, гуманитарная и гуманистическая, в действительности осуществляется, реализуется, существует в воплощении, пожалуй, высший вид человеческой деятельности» [4, с. 39].

«При определении сущности культуры необходимо и важно сопоставить и противопоставить также культуру и натуру (собственно природу), культуру и цивилизацию, технику, технический прогресс. Социология и психология национальной культуры (этнокультурология). Соотношение аристократизма и простонародности» [4, с. 42].

«Знание неисчерпаемо, как океан. В море мы ныряем не во всю его глубину, но всегда лишь на какую-то, некоторую, по своим способностям и возможностям. Морской акваторий – часть планеты. И язык (словарь), его употребление, тоже, оказывается, имеет разную глубину, определяемую всегда промежуточным осмыслением и содержательностью (значимостью), это всегда величина переменная и временная» [4, с. 129].

«Может, прошлое в настоящем оседает, как ил на дне озера. Всё где-то да остаётся в каком-то виде. Исправить не поздно, исправить можно: идеальный способ исправления ошибок и завершения, доработки какой-то, покаяние. Исповедь – самоочищение по-христиански, разве не психотерапия?» [4, с. 157].

«Чтобы в голове родилась серьёзная мысль, не скажу «большая», нужно сперва настроиться и сосредоточиться на чём-то в пустом пространстве вокруг тебя, перебрав разные темы, как вариации для разминки пальцев, а фигуры лезут и плывут тебе в голову. Важно схватить верный тон, потянуть и развернуть какой словесный образ, или звучание, чтобы те оформились наконец в некое подобие словесной осмысленности, и важно не пропустить, уловить и схватить момент превращения бесформенной массы шума в какую-нибудь определённую, приобретающую свои очертания» [4, с. 355].

«Далеко не все наши мысли умные, есть деловые, но в большинстве своём всё же пустые, одна только видимость. Хотя в то же время можно сказать, что нормальный человек в каком-то смысле всё же «излучает» мысли (энергию). Или же только впитывает и отражает её» [4, с. 465].

«Невозможно понять язык, если не учитывать важнейший для понимания его сущности план религиозности. Поэтому не так уж и бессмысленна гипотеза культового происхождения человеческого языка. Действительно, он был необходим человеку для обращения к небесным силам, заклятий, для молитвы и проповеди. Мы зря забываем сакральное предназначение языка. К языку причастна магия, с его помощью заговаривают болезни, боли, снимаются стрессы, успокаивают и возбуждают, приводят в состояние бешенства, экстаза, сумасшествия, он используется в учении и спасении, он же становится дьявольским средством разобщения в мире» [4, с. 140].

«Logos – бог внутри человека, как и сила над нами, высшая духовность, любовь всемирная, творческое начало мира. Ведущей, определяющей, стержневой становится нравственность и закон Божий, решающий фактор в понимании и пояснении ценности и значимости языка как дара Божьего. Слово как высшая способность человека используется для общения с Небом и в его заповеди. Живая этика включает нравственный и божественный смысл в назначение языка» [4, с. 131].

Литература

1. Груцяк В. І. Становлення системи підготовки іноземних громадян у Харківському університеті // *Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки: Наукові дослідження. Досвід. Пошуки* : зб. наук. пр. Харків, 2008. Вип. 13. С. 18–26.
2. [Левитский В. В.] Иероглифы : Связка смыслов. Контексты : [словарь сочетаемости русского языка : в 2 ч.] / И. К. Стивел. Харьков : ПАРК, 2019–2020. [Ч.] 1. 520 с. [Ч.] 2. 400 с. И. К. Стивел – псевд. В. В. Левитского.
3. [Левитский В. В.] Контекстология слова: Мистический дух Logos / И. К. Стивел. Харьков : ПАРК, 2012. 536 с.
4. [Левитский В. В.] Осколки памяти : 74 : [дневник] / И. К. Стивел. Харьков : ПАРК, 2016. 514 с.
5. Левитский В. В. Пристань на Сунгари (Иностранция) : Мосты и смыслы, искания и сомнения : ист.-филол. сб. (арх. материалы и заметки). [Ч.] 1. Харьков, 1998. 172 с. К 100-летию КВЖД.
6. [Левитский В. В.] Филология «жизни» / И. К. Стивел. Харьков : ПАРК, 2017. 556 с.

7. Владимир Васильевич Левитский – филолог, синолог, харбинист, дневниковед : (К 85-летию со дня рождения) / ЦНБ ХНУ имени В. Н. Каразина ; науч. ред. В. Г. Мелихов ; сост. С. Б. Глибицкая. – Харьков : ФЛП Тарасенко В. П., 2020. – 16 с.
8. Мелихов В. Г. «Тишину музеев нарушая...»: [по музеям писателей-классиков] // *Энтузиаст*. 2014. № 33. С. 186–197.

References

1. Grucyak V. I. Stanovlennya sy`stemy` pidgotovky` inozemny`x gromadyan u Xarkivs`komu universy`teti // Vy`kladannya mov u vy`shhy`x navchal`ny`x zakladax osvity` na suchasnomu etapi. Mizhpredmetni zv'yazky` : Naukovi doslidzhennya. Dosvid. Poshuky` : zb. nauk. pr. Xarkiv, 2008. Vy p. 13. S. 18–26.
2. [Levitskij V. V.] Ieroglify : Svjazka smyslov. Konteksty : [slovar' sochetaemosti russkogo jazyka : v 2 ch.] / I. K. Stivel. Har'kov : PARK, 2019–2020. [Ch.] 1. 520 s. [Ch.] 2. 400 s. I. K. Stivel – psevd. V. V. Levitskogo.
3. [Levitskij V. V.] Kontekstologija slova: Misticheskij duh Logos / I. K. Stivel. Har'kov : PARK, 2012. 536 s.
4. [Levitskij V. V.] Oskolki pamjati : 74 : [dnevnik] / I. K. Stivel. Har'kov : PARK, 2016. 514 s.
5. Levitskij V. V. Pristan' na Sungari (Inostranija) : Mosty i smysly, iskanija i somnenija : ist.-filol. sb. (arh. materialy i zametki). [Ch.] 1. Har'kov, 1998. 172 s. K 100-letiju KVZhD.
6. [Levitskij V. V.] Filologija «zhizni» / I. K. Stivel. Har'kov : PARK, 2017. 556 s.
7. Vladimir Vasil'evich Levitskij – filolog, sinolog, harbinist, dnevnikoved : (K 85-letiju so dnja rozhdenija) / CNB HNU imeni V. N. Karazina ; nach. red. V. G. Melihov ; sost. S. B. Glibitskaya. – Har'kov : FLP Tarasenko V. P., 2020. – 16 s.
8. Melihov V. G. «Tishinu muzeev narushaja...»: [po muzejam pisatelej-klassikov] // *Jentuziast*. 2014. № 33. S. 186–197.

Светлана Борисовна Глибицкая

Глибицька Світлана Борисівна, головний бібліограф Центральної наукової бібліотеки, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (майдан Свободи, 4, Харків-22, 61022, Україна); e-mail: sv.zajc@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-6863-1832>